

Светослав Павлов *

ПИСЬМА РОМАНА «ВОЙНА И МИР» КАК СРЕДСТВО СВЯЗИ ЕГО СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Необычность формы «Войны и мира» обескуражила современную Толстому критику, которая увидела в романе такие изъяны, как отсутствие единства и внутренней связи¹. В литературной полемике с критиками понятие «связь» употреблял и Толстой², а в разговоре с Леонидом Пастернаком он привел пример связывания двух эпизодов с помощью поездки Николая Ростова с письмом Денисова: «Это свидание получалось все время в стороне от всех событий, и мне никак не удавалось его с чем-нибудь связать [курсив мой — С.П.]. Неожиданно случилось само по себе, по ходу романа, что Николай Ростов должен был по делу Денисова передать прошение государю и с этой целью [курсив мой — С.П.] ехать в Тильзит, я мог подробно представить это свидание двух императоров»³. На основании этого высказывания можно заключить, что под связью Толстой подразумевал целесообразность (мотивированность, оправданность) и естественность перехода от одного структурного элемента (в этом примере — эпизода) к другому — условие, необходимое для непрерывности и логичной последовательности развития действия, для структурной целостности произведения⁴. В упомянутом отрывке «Войны и мира» поездку Ростова мотивирует письмо, и это не единственный пример связывания эпизодов и мест действия с помощью письма. Проиллюстрировать и разгруппировать случаи, в которых письмо содействует связыванию различных структурных элементов «Войны и мира» является задачей этой работы⁵.

В «Войне и мире» несколько персонажей совершают путешествия с целью передачи писем, что позволяет

* Svetoslav Pavlov is a Ph.D. candidate, Department of Linguistics and Germanic, Slavic, Asian, and African Languages, Michigan State University, East Lansing, MI.

Толстому связать чередующиеся места действия и сцены. Болконский по долгу службы адъютантом Кутузова в военной кампании 1805 года передает различные письма. Это дает ему возможность свободно перемещаться и встречаться с большим количеством людей. Он едет с письмом к австрийскому императору Францу (т. I, ч. II, гл. IX-XII) в Брюнн, где знакомится с австрийским двором и посещает русских дипломатов. Даже его первая встреча с Николаем Ростовым происходит у Бориса по пути «с бумагами от Кутузова к цесаревичу» (т. 4, с. 328)⁶. Слуга Болконских Алпатыч становится свидетелем осады Смоленска во время поездки с письмами от господ к губернатору (т. III, ч. II, гл. IV). Генерал-адъютант Балашев едет в ставку Наполеона с письмом Александра I (т. III, ч. I, гл. IV-VII). Эти части «Войны и мира» сделаны как небольшие романы-путешествия (вспомним наблюдение Бахтина о способности романа как жанра включать и пародировать другие жанры и собственные разновидности). Передача письма мотивирует поездку персонажа, и вместе с ним как бы перемещается читатель, воспринимая естественно чередование мест и сцен.

Завещание графа Безухова и его письмо к Александру I играют важную роль в структуре «Войны и мира». Они не только способствуют связыванию Петербурга и Москвы как мест действия, но и как тем романа⁷. Переход к новому месту действия и новой теме отмечен предложением, в котором говорится о возвращении Анны Михайловны из Петербурга: «Вскоре после вечера Анны Павловны, Анна Михайловна вернулась в Москву, прямо к своим богатым родственникам Ростовым, у которых она стояла в Москве <...>» (т. 4, с. 50). Поначалу переход к новому месту действия кажется необоснованным и немотивированным, и только письмо и завещание Безухова, о которых мы узнаем позднее со слов Анны Михайловны (в сцене в доме Ростовых), способствуют мотивации перехода. Одновременно с Анной Михайловной в Москву приезжает князь Василий с целью по-своему решить судьбу письма и завещания графа Безухова. Можно предположить, чтоспешность(«вскоре»)возвращения Анны Михайловны продиктована той же целью. Так два

места действия связываются развитием интриги вокруг документов Безухова, которая зарождается в Петербурге (там Анна Михайловна узнает от князя Василия о их существовании), переносится в Москву посредством переезда двух персонажей, движимых одинаковыми целями, и разрешается в кульмиационной сцене в доме Безухова. Со сцен борьбы за письма-документы графа Безухова начинается противопоставление Москвы и Петербурга как двух тем; отношение персонажей к скандалу вокруг документов как бы распределяет их по двум противоположным лагерям и определяет два типа психологии: петербургскую и московскую (или провинциальную). В центре первой группировки — князь Василий, его антипод — Пьер. Два письма Жюли и Марии, а также письмо князя Василия к Болконскому отцу (т. I, ч. III, гл. III) содействуют связыванию тем и сцен города (петербургской психологии) и деревни. С писем начинается противопоставление этих тем. В первых письмах Жюли и Марии уже намечен контраст между типом сельского жителя, сохранившем в себе патриархальные черты допетровской Руси и типом столичного западника. Большую часть письма Жюли занимают городские сплетни, ее религиозность ограничивается западным мистицизмом. Напротив, миропонимание Марии имеет национальные, народные корни. Столкновение представителей двух типов происходит во время приезда в имение Болконских князя Василия с сыном Анатолем. Их приезд предупрежден письмом князя Василия (т. I, ч. III), в котором он пишет, что едет «на ревизию» (под этим же предлогом он ездил Москву), и эти слова подготавливают читателя к конфликту напоминанием о том, к чему привела «ревизия» в Москве.

Письмо Марии к Жюли подготавливает следующую за ним сцену — приезд Андрея Болконского с женой в имение отца. В своем письме Мария упоминает письмо брата, в котором он пишет о намерении посетить Лысые Горы, и вслед за упоминанием намерения происходит его реализация.

Связь эпизодов войны с эпизодами мирной жизни опять-таки нередко осуществляется с помощью писем. Во время прощального разговора между отцом и сыном

Болконскими упоминается рекомендательное письмо Болконского-отца к Кутузову, написанное им для сына (т. I, ч. I, гл. XXV). Разговор о письме подготавливает к переходу от мирных сцен I части I тома к военной тематике II части, ибо в следующей главе (I глава II части) мы уже видим смотр войска адъютантом Кутузова (Болконский?) и самого Кутузова, только что упомянутого Болконским-отцом.

В III части I тома романа письмо Николая Ростова из армии с сообщением о его ранении (т. I, ч. III, гл. VI) способствует связи эпизодов мирной жизни (первые шесть глав) с военными эпизодами. В шестой главе описывается чтение этого письма в доме Ростовых, составляются ответные письма, и в следующей главе Николай Ростов отправляется к Борису Дубецкому в Ольмюцен за письмами и деньгами из дома. Таким образом письмо Ростова, написанное в армии и полученное в обстановке мирной, домашней жизни, оправдывает перенос места действия в Москву, а письма родных к нему способствуют возврату к военной тематике.

Так как в «Войне и мире» несколько главных героев, то принято говорить о нескольких сюжетных линиях романа. Письма способствуют связи между сюжетными линиями (внешняя связь)⁸ и сцеплению элементов внутри сюжетных линий. С начала романа письмо и завещание графа Безухова ставят Пьера в центр внимания других персонажей и определяют дальнейшую судьбу Пьера, поэтому о сцене скандала вокруг них в доме Безухова можно говорить как овязке в линии Пьера. То, что эти документы оказываются в руках княгини Дубецкой, а не князя Василия, приводит к решению князя Василия женить Пьера на своей дочери. Последствия получения Пьером огромного состояния предвидит княжна Марья в письме к Жюли: «Столь молодому быть отягощенным таким огромным состоянием, — через сколько искушений надо будет пройти ему!» (т. 4, стр. 130). Анонимное письмо к Пьеру о связи его жены с Долоховым (т. II, ч. I, гл. IV) отмечает новую веху в линии Пьера. Оно одновременно находится в основании развязки совместного развития линий Пьера и Элен и

определяет один из кульминационных моментов в духовном становления Пьера, так как способствует разочарованию Пьера в великосветском обществе. Наконец, письма Андрея и Наташи позволяют Толстому окончательно закрепить новый сюжетный «узел»: Пьер — Наташа. Линии Пьера и Наташи в «Войне и мире» долго подводятся к слиянию. После разрыва Наташи с Андреем у Анатоля и Андрея остаются ее письма. Поверенным в деликатном деле передачи писем их автору оказывается Пьер, так как он — единственный друг Андрея, а также родственник Анатоля по жене и знакомый Ростовых. Передача писем дает ему возможность окончательно сблизиться с Наташой. Это сюжетное сцепление Толстой объясняет так: «И какая-то судьба (курсив мой — С.П.) постоянно сводила его с нею» (т. 6, с. 399), но именно письма содействуют логичному и естественному разрешению случайностей в сюжете.

Иногда письмо объясняет сюжетные сцепления постфактум. В первой сцене романа не понятно, каким образом Пьер, который вызывает у хозяйки салона Шеррер «беспокойство и страх», оказывается вхожим в ее дом. Позднее мы узнаем, что связь Пьера с петербургским светом стала возможной благодаря рекомендательному письму его отца к Василию Куракину (т. I, ч. I, гл. V).

В развитии линии Андрея Болконского письма также играют значительную роль. Если письмо и завещание графа Безухова определяют семейную и светскую судьбу Пьера, то с рекомендательным письмом Болконского-отца (т. I, ч. I, гл. XXV) связано начало военной жизни Андрея⁹. Предшествующие этому эпизоды его семейной жизни — только экспозиция в этой сюжетной линии; недаром очень скоро семейная жизнь Андрея обрывается смертью жены. Кульминационный момент в жизни Андрея — любовь к Наташе — отмечен перепиской между героями, которая уже содержит зёрна развязки. За год разлуки Андрей написал Наташе всего несколько писем (упоминаются четыре), а отцу, например, он «писал каждый день» (т. 4, стр. 171) во время кампании 1805 года. Намек на предстоящий разрыв содержится также в словах повествователя о письмах Наташи к Андрею: «писала ему классически-

однообразные, сухие письма, которым сама не приписывала никакого значения <...>» (т. 5, стр. 325). Письмо Анатоля к Наташе и письмо Наташи к Марье проводят границы между разными этапами в жизни Наташи и Андрея.

Как и для Пьера, конфликт с Долоховым оказывается поворотным моментом в жизни Николая. Этому событию предшествует отказ Софьи на брачное предложение Долохова. Но до получения Николаем пригласительной записки от Долохова (т. II, ч. I, гл. XIII) в отношениях героев не было признаков конфликта. Записка вносит в сюжет элемент ожидания аналогично тому, как это делает анонимное письмо к Пьеру.

Два других письма разводят линии Николая и Бориса. Дважды Николай Ростов приезжает к другу детства Борису во время службы в армии. Оба приезда связаны с получением или передачей писем. Во время первой встречи, под Ольмюцем (т. I, ч. III, гл. VII), разница в характерах героев наглядно проявляется в их отношении к письму-рекомендации для Николая: Николай с презрением бросает письмо, называя адъютанскую должность «лакейской», чем неприятно удивляет Бориса. Может быть, реакция Бориса была бы другой, если бы в тот же день он сам не получил рекомендательное письмо от Андрея для ходатайства о получении «лакейской» должности (т. I, ч. III, гл. IX); об этом письме мы узнаем позднее из его разговора с Андреем. Отказ Бориса передать письмо-прошение Денисова к Александру I во время приезда Николая в Тильзит (т. II, ч. II, гл. XIX) определяет разрыв отношений между Николаем и Борисом, после этой встречи они больше не упоминаются вместе.

Наконец, связь между двумя героями, Марьей и Жюли, осуществляется в основном посредством писем. В фабуле романа они встречаются только один раз, хотя встреча не описана. Письма — единственный источник, подпитывающий их дружбу. Недаром при встрече они расходятся: «Жюли, которая была в Москве и к которой княжна Марья писала пять лет сряду, оказалась совершенно чуждой ей, когда княжна Марья вновь сошла с нею лично» (т. 5, стр. 332).

Сцепления сюжетных линий Толстой нередко объясняет словом «судьба». На примерах жизни героев

романа Толстой стремится доказать верность своей философской концепции, разработанной в отступлениях, о роли судьбы в истории человечества. Слово «судьба» впервые в романе появляется в письме Жюли к Марье (т. I, ч. I, гл. XXII), затем становится лейтмотивом в сюжетной линии Марии, Николая, Пьера, Андрея, то есть главных героев романа. На уровне структуры романа случайности (повороту судьбы) нередко предпослан намек, содержащийся в письмах. Как уже отмечалось выше, письмо князя Василия к Болконскому-отцу содержит намек на вероятность конфликта между персонажами. Записка Анны Павловны Шерер к Пьеру («У меня будет прекрасная Элен, на которую никогда не устанешь любоваться» — т. 4, стр. 276) намекает на дальнейшее сближение Пьера с Элен. Марья до встречи с Николаем получает о нем лестную информацию из письма Жюли, которая пишет, что в нем «столько благородства» (т. I, ч. I, гл. XXII). Естественно «скрещение судеб» Жюли и Анатоля, «которого — по словам этого же письма, — хотят пристроить, женив его на богатой и знатной девице»: позднее Анатоль становится одним из соискателей руки неожиданно разбогатевшей Жюли.

Особенность письма обладать силой документа¹⁰ способствует объединению вымышленных персонажей с историческими в одной фабульной ткани. Персонажи обеих групп романа живут как его равноправные подданные: Андрей служит у Кутузова, Сперанского, Пьер встречается с Ростопчиным, Даву и т.д.; но иногда исторические и вымышленные персонажи не встречаются, и переписка как бы является подтверждением «историчности» последних. Генерал-аншеф Болконский обменивается письмами со своим боевым другом фельдмаршалом Кутузовым, пишет письмо главнокомандующему, в котором выражает свое намерение самостоятельно защищать Лысые Горы (т. III, ч. II, гл. VIII), и завещает передать свои записки после смерти императору Александру I. «Предпоследний представитель великого века» граф Безухов пишет письмо к Александру I об усыновлении Пьера.

Письмо является удобным средством остранения — приема, позволяющего писателю опосредованным образом (через героя, близкого автору), но довольно прямо выговориться перед читателем. Так устанавливается связь: автор — герой — читатель. В этом отношении наиболее важную роль играет письмо Мары к Жюли. В нем голоса героини и автора нередко сливаются. В рассуждениях Мары на такие темы, как война, семья, Бог, слышится голос самого Толстого, подтверждение чему можно отчасти найти в пределах текста романа. Вот что она пишет о войне: «Подумаешь, что человечество забыло законы своего божественного спасителя, учившего нас любви и прощению обид, и что оно полагает главное достоинство свое в искусстве убивать друг друга». Аналогичную лексику мы находим в отступлении Толстого, открывающем III том: «Люди Запада двигались на Восток для того, чтобы убивать друг друга (курсив мой — С. П.)» (т. 6, стр. 11). Вот что она пишет о христианстве: «Я никогда не могла понять страсть, которую имеют некоторые особы: путать себе мысли, пристраящаясь к мистическим книгам, которые возбуждают только сомнения в их умах, раздражают их воображение и дают им характер преувеличения, совершенно противный простоте христианской» (т. 4, стр. 130). О превосходстве сердца над рассудком: «<...> чем меньше мы будем давать разгула нашему уму, тем мы будем приятнее Богу, который отвергает всякое знание, исходящее не от него, и что чем меньше мы углубляемся в то, что ему угодно было скрывать от нас, тем скорее даст Он нам это открытие своим божественным разумом» (т. 4, стр. 130-131). О браке: «<...> брак, по-моему, есть божественное установление, которому нужно подчиняться. Как бы ни было тяжело для меня, но если всемогущему угодно будет наложить на меня обязанности супруги и матери, я буду стараться исполнить их так верно, как могу, не заботясь об изучении своих чувств в отношении того, кого Он мне даст в супруги» (т. 4, стр. 131). Это важнейшие темы «Войны и мира» и всей жизни Толстого. Дорогой к Богу Толстой проводит двух своих любимых героев — Андрея и Пьера. Честолюбивый рационалист Андрей к середине романа становится близким и доступным человеком для

рядовых солдат — «наш князь» (т. 6, с. 139). Путь оправдания и сближения с народом проходит Пьер. Наташа могла бы подписать под словами Марии о браке и семье. Эти темы и мысли романа впервые звучат именно в письме Марии, которое является как бы вступлением к их дальнейшему развитию.

Документальные (невымышленные) письма «Войны и мира» мотивируют переход от основного (художественного) повествования к историко-философским отступлениям. Такая функция этих писем была особенно заметна в начальных редакциях романа. Глава о весне 1812 года в ранней рукописи Толстого начиналась с двух писем — Наполеона и Александра III. Сопоставление содержания писем двух исторических фигур с художественным описанием событий дает Толстому основание для перехода к рассуждениям о роли личности в истории и исторической неизбежности. Позднее Толстой меняет композицию романа, но функция документальных писем связывать художественную часть романа с отступлениями сохраняется. Толстой включает в текст романа такие документы, как приказы и диспозиции. Бессиление авторов этих документов (императоров и генералов) определить направление истории выявляется на фоне художественного описания исторических событий, которые развивались совсем не так, как хотели императоры и генералы. Поэтому содержание письма эрцгерцога Фердинанда к Кутузову, в котором он предписывает и предвидит победу, по Толстому, нелепо. Толстой осознанно включает его в иронический контекст: оно приходит и читается вслух уже после проигранного сражения. Аналогично построен эпизод с чтением «бумаги» Барклая де Толли, которую вручает Алпатычу губернатор и в которой говорится о том, что «Смоленску не предстоит еще ни малейшей опасности» (т. 6, с. 131), в то время как город уже обстреливается вражеской артиллерией. Вслед за текстом диспозиции Наполеона (т. 7, стр. 248-9), в которой он подробно расписывает, что должны будут делать войска в каждый момент Бородинского сражения, Толстой приводит доказательства того, что ни одно из положений диспозиции не было выполнено. По кон-

трасту к распоряжениям администрации Наполеона в Москве (т. 7, стр. 99-102) Толстой приводит донесения «чинов армии» Наполеона (т. 7, стр. 105), указывающие на то, что ни один из пунктов распоряжений не был выполнен. Все эти многочисленные примеры нелепости содержания документов, написанных «деятелями» истории, дают Толстому основание сделать свои историко-философские обобщения в отступлении. К толстовскому пониманию истории приходят постепенно Андрей и Пьер. Однако изначально из всех героев романа толстовским видением событий обладает только княжна Марья, которая пишет в письме о войне: «мы втянуты бог знает как и зачем» (т. 4, стр. 131).

Способность писем связывать различные структурные элементы романа объясняется особенностями этого жанра, из которых главная — коммуникативность. Передача письма оказией мотивирует смену сцен, эпизодов и мест действия. Личные письма и письма-рекомендации способствуют сцеплению сюжетных линий.

Тексты писем романа способствуют сюжетному сцеплению за счет дополнительной информации к основному повествованию, которая может пояснить развитие сюжета. Например, письмо может объяснять отношения героев через их прошлое (так из письма Марии мы узнаем о давности, с детства, дружбы Пьера к Андрею) или намекать на будущие события.

Документальность письма способствует созданию в романе интриг и «узлов», сводящих героев: письмо и завещание Безухова сводят нескольких героев в сценах борьбы за наследство; письма Наташи к Анатолю (компромитирующие документы) соединяют концы любовного «узла» Пьера и Наташи. Документальная убедительность писем дает возможность объединить вымышленных и исторических персонажей в одной фабульной ткани. Реальные письма-документы способствуют переходу от основного повествования «Войны и мира» к авторским отступлениям, так как дают Толстому возможность соопоставить содержащуюся в них информацию с истори-

ческими событиями и на основания сопоставления
сделать заключение в авторских отступлениях.

Монологичность письма, его ориентация на
интимность — удобное средство остранения,
ближения героя, автора и читателя.

Толстой с большим искусством использовал эти
жанровые особенности писем, чтобы придать роману
«Война и мир» структурную целостность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О первых критиках «Войны и мира» можно прочитать в книге Б. М. Эйхенбаум. Лев Толстой. Wilhelm Fink Verlag, München-Allach, 1968, стр. 388.
2. В письме к С. А. Рачинскому от 27 января 1878 года Толстой писал по поводу «Анны Карениной»: «Суждение ваше об «Анне Карениной» мне кажется неверно. Я горжусь, напротив, архитектурой — своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь [курсив мой — С.П.] постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи» (т. 17, стр. 467).
3. Цитата по: Э. Е. Зайденшнур. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Изд. «Книга», Москва, 1966, стр. 46.
4. Л. А. Сабуров определяет путешествие Ростова с письмом Денисова как пример «многостепенного сюжетногоосцепления» (см. в его книге: «Война и мир» Л. Н. Толстого. Проблематика и поэтика. Издательство Московского университета, М., 1959, стр. 321).
5. Формы эпистолярных текстов «Войны и мира» очень разнообразны. В романе есть частные и деловые письма, документальные и вымышленные. Отличаются они включением в роман: полный текст, выдержки или только их упоминание. Так как цель этой работы не изучение самих эпистолярных текстов, а их формальная функция в структуре романа, то я не буду останавливаться на их жанровом разнообразии и буду пользоваться общим термином — «письмо».
6. Ссылки на текст романа будут делаться по изданию: Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в двадцати томах. Государственное издательство художественной литературы, М., 1962.
7. В первой редакции романа главные темы Толстой определил названиями частей: «В Петербурге», «В Москве», «В деревне» и «Война».

8. Что касается сюжетных линий, здесь письма выполняют двоякую функцию — связи и разрыва (выше будут приведены такие примеры), но в обоих случаях они мотивируют определенное развитие сюжета. Иногда разводя две линии, они способствуют новому сцеплению. Так письмо Сони к Николаю (т. 2, с. 437), которым она освобождает его от себя, способствует связи Николая с Марьей. Благодаря письму разрыв между Николаем и Соней проходит заочно, что исключает создание дополнительных сцен и облегчает сюжет.
9. В романе есть противоречие относительно службы Андрея. В первой сцене романа Шерер говорит князю Василию, что Андрей Болконский «адъютант Кутузова» (т. 4, стр. 13). Далее, в VI главе, жена Андрея говорит, что «он адъютант у дяди» (т. 4, стр. 38). В сцене расставания Болконского-отца с сыном (во временном отношении это более поздний эпизод) Болконский-отец пишет для Андрея рекомендательное письмо к Кутузову и просит Андрея написать о том, как Кутузов его примет. Если бы Андрей уже служил у Кутузова, то не было бы необходимости ни в рекомендации, ни в отзыве Андрея.
10. Доказательством того, что письмо может служить документом, является тот факт, что в 19 веке многие авторы заканчивали письма просьбой к адресатам уничтожить их по прочтении (см. об этом: А. Елистратова «Эпистолярная проза романтиков» в кн.: Европейский романтизм, М., Издательство «Наука», 1973). Примером компромитирующего документа в «Войне и мире» являются письма Наташи к Анатолю.
11. См. в кн.: Первая завершенная редакция романа «Война и мир» (В серии «Литературное наследство», т. 94), «Наука», М., 1983, стр. 576-577.